



К.И.ЖУКОВСКАЯ,
адвокат адвокатского бюро
«Верховодко и партнеры Л.Л.С.»

К ВОПРОСУ О ПРАВОПРЕЕМСТВЕ В АРБИТРАЖНОМ СОГЛАШЕНИИ

УДК 341.632.2

ksenia.zhukovskaya@verkhovodko.com

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется вопрос о возможности правопреемства в арбитражном соглашении при изменении сторон в обязательстве. Проводится анализ подходов, выработанных в национальном и зарубежном законодательстве, а также судебной практикой. На основе проведенного анализа законодательства автор делает предложения по совершенствованию законодательства, обоснованные в том числе с научной точки зрения.

Ключевые слова: арбитраж, арбитражное соглашение, правопреемство арбитражного соглашения.

Теория гражданского права различает два вида правопреемства, которые зависят от объема переходящих прав и обязанностей: универсальное и сингулярное. При универсальном правопреемстве все права и обязанности переходят к другой стороне, при сингулярном – только часть.

В любом случае при правопреемстве права и обязанности одной из сторон обязательства переходят к иному лицу. В связи с этим возникает вопрос о том, переходят ли к новой стороне в обязательстве права и обязанности по арбитражному соглашению и, соответственно, распространяется ли действие арбитражного соглашения, заключенного правопреемником, на правопреемника.

При рассмотрении вопроса о возможности цессии в арбитражном соглашении в первую очередь необходимо руководствоваться нормами материального и коллизионного права, учитывая, что право, применяемое к арбитражному соглашению, должно регулировать возможность его цессии [1].

В соответствии с ч. 3 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 года «О третейских судах» (далее – Закон о третейских судах) в случае перемены сторон в обязательстве по договору, содержащему третейскую оговорку, указанная оговорка не распространяется на новую сторону обязательства.

Схожее положение для арбитражного соглашения закреплено в п. 3 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2005 г. №34 «О подведомственности споров после уступки требования или перевода долга» (далее – постановление №34). В силу п. 3 данного постановления при осуществлении уступки права требования или перевода долга прав и обязанностей между первоначальными кредитором и должником в полном объеме на новых кредитора или должника не распространяется ранее существовавшее соглашение о передаче спора на разрешение третейского суда или арбитражное соглашение, выраженное в арбитражной оговорке.

В обоснование этого указано, что в процессуальном законодательстве отсутствует институт, аналогичный гражданско-правовому институту уступки требования или перевода долга. Переход гражданских прав и обязанностей от одной стороны к другой не влечет за собой перехода процессуальных прав и обязанностей, в связи с чем, например, арбитражное соглашение не может быть предметом цессии. В части 1 ст. 11 и ч. 1 ст. 22 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 года «О международном арбитражном (третейском) суде», указано, что арбитражное соглашение в виде арбитражной оговорки является отдельным положением гражданско-правового договора, его частью, рассматриваемой как соглашение, не зависящее от других условий договора, требующее волеизъявления каждой из сторон для передачи возникшего или могущего возникнуть между этими сторонами спора на разрешение арбитражного (третейского) суда. Юрисдикция такого суда при уступке требования и переводе долга будет распространяться на новых лиц в обязательстве только в случае заключения между ними самостоятельного арбитражного соглашения в порядке, предусмотренном законодательством. В случае недостижения между новыми сторонами в обязательстве самостоятельного арбитражного соглашения подведомственность возникшего спора будет определяться в соответствии с общими правилами подведомственности дел экономическим судам.

Как следует из приведенных выше положений, норма Закона о третейских судах является более широкой, нежели аналогичная норма постановления №34. Так, если в соответствии с постановлением №34 арбитражное соглашение не распространяет свое действие только на новых кредитора или должника при сингулярном правопреемстве, то Закон о третейских судах устанавливает запрет на распространение действия третейского соглашения на нового участника правоотношения как при универсальном, так и при сингулярном правопреемстве, в

том числе и при переходе права требования по обязательству к другому лицу на основании акта законодательства.

В.С.Каменков, комментируя положение ч. 3 ст. 10 Закона о третейском суде о перемене сторон в обязательстве на основании акта законодательства, указывает, что в таком акте должна присутствовать норма о третейском соглашении, поскольку без нового третейского соглашения сторон невозможно будет рассматривать дело в третейском суде [2].

Перемена сторон в обязательстве в силу законодательства предусмотрена, например, в ст. 588 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), в соответствии с которой переход права собственности (пожизненного наследуемого владения) на сданное в аренду имущество к другому лицу не является основанием для изменения или расторжения договора аренды, а также ст. 855 ГК, предусматривающей переход к страховщику прав страхователя на возмещение ущерба (суброгация). Это означает, что в случае смены собственника имущества или при суброгации третейское соглашение, включенное в договор аренды или страхования, соответственно, прекращает свое действие, несмотря на неизменность правоотношений между участниками обязательства.

В российской доктрине высказывалось мнение о том, что «доверительный характер отношений участников третейского разбирательства также служит препятствием для перехода прав и обязанностей по третейскому соглашению третьему лицу в порядке универсального правопреемства» [3, с. 46].

В данном случае полагаем необходимым согласиться с позицией А.А.Костина, который указывает, что, несмотря на важность принципа доверительных, конфиденциальных отношений как предпосылки заключения между сторонами арбитражного соглашения, он вряд ли применим к случаям универсального правопреемства [3, с. 46]. К аналогичному выводу приходит и В.А.Мусин, исследуя вопрос о сохранении силы арбитражного соглашения в случае реорганизации юридических лиц [4, с. 33].

Принимая во внимание характер универсального правопреемства, предусматривающий переход совокупности всех прав и обязанностей, полагаем, что универсальное правопреемство всегда должно влечь за собой переход прав и обязанностей по арбитражному соглашению.

● В Российской Федерации при практически идентичном правовом регулировании вопросов уступки прав требования (перевода долга) и арбитражного (третейского) судопроизводства Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС) занял кардинально противоположную позицию, которая впервые была изложена в постановлении Президиума ВАС от 17 июня 1997 г. по делу №1553/97 [5]. В рамках указанного дела судом установлено, что стороны в договоре ссуды согласовали урегулирование возникших разногласий в Арбитражном институте при Торговой палате

г. Стокгольма в соответствии с регламентом этого арбитражного института. По договору ссуды состоялась уступка права требования, цессионарий подал иск в государственный суд о взыскании суммы долга с должника. Предъявляя иск в государственный суд, цессионарий по договору ссуды полагал, что арбитражная оговорка как соглашение сторон является самостоятельным, не зависящим от основного договора условием, и имеет не материально-правовой, а процессуальный характер, поэтому не могла быть передана ему по договору цессии. В постановлении по указанному делу ВАС указал, что согласно ст. 384 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, если иное не предусмотрено законом или договором. Анализ указанной нормы и заключенного между сторонами договора цессии, которым предусмотрена также уступка права на предъявление исков, позволяет сделать вывод о том, что предъявление иска в защиту нарушенных прав представляет собой одну из составных частей содержания права требования, перешедшего к новому кредитору. Сохранение ранее установленного сторонами порядка разрешения споров не ущемляет прав цессионария и позволяет обеспечить надлежащую защиту интересов должника. Учитывая это, суд пришел к выводу, что к упоминаемому в ст. 384 ГК РФ условиям, на которых права первоначального кредитора переходят к новому кредитору, может быть отнесено также условие об избрании определенного арбитража для разрешения возможных споров между участниками договора.

Текст указанного постановления был включен в Обзор судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц, опубликованный Информационным письмом Президиума ВАС от 16 февраля 1998 г. №29 [6]. Руководствуясь указанным информационным письмом, дальнейшая арбитражная практика Российской Федерации шла в порядке, выработанном Президиумом ВАС.

В Федеративной Республике Германия также признается распространение действия арбитражного соглашения на правопреемников при сингулярном и универсальном правопреемстве. Данная позиция обосновывается тем, что арбитражное соглашение является неотъемлемой частью переходящего права [7, с. 8].

Во Франции обязательность арбитражного соглашения при сингулярном правопреемстве обосновывается тем, что перемена лиц в обязательстве, по общему правилу, не должна влечь ухудшения положения лица, остающегося стороной данного обязательства и давать какие-либо преимущества лицу, которое становится стороной обязательства [8, с. 427; 9, с. 78].

Уступка прав по основному обязательству влечет автоматический переход арбитражного соглашения к новым сторонам и в Швейцарии. Верховный суд Швейцарии подчеркивал, что, хотя арбитражное соглашение является автономным, в рамках перехода

материальных прав по договору оно будет рассматриваться как сопутствующее право и принадлежность этих материальных прав [7, с. 9].

В Законе Швеции 1999 года «Об арбитраже» [10] отсутствует правовое регулирование данного вопроса. По общему правилу, выработанному судебной практикой в Швеции, при универсальном и сингулярном правопреемстве арбитражное соглашение сохраняет свое действие для правопреемника в полном объеме.

В отношении сингулярного правопреемства шведские суды в данном случае исходят из того, что цессионарий должен быть связан арбитражным соглашением, в противном случае положение должника будет существенно ухудшено.

В обоснование сохранения силы арбитражного соглашения суды указывают на то, что должник и cedent при заключении договора выражали желание, чтобы их споры разрешались путем арбитража. В связи с этим cedent не должен иметь возможности в одностороннем порядке «освободиться» от арбитражного соглашения через договор уступки. Если цессионарий не согласен с арбитражным соглашением, он всегда может отказаться от заключения договора уступки [8, с. 428; 9, с. 79]. В этой связи Верховным судом Швеции предложено учитывать осведомленность новой стороны в договоре о существовании арбитражного соглашения.

● *Верховный суд в деле MS «EMJA» Braak Schiffahrts KG (Германия) против Warsila Diesel Aktiebolag постановил, что если новая сторона была осведомлена о существовании арбитражного соглашения в основном договоре, то она считается связанной его действием в том же объеме, что и сторона, уступившая ей право требования по договору [10].*

О недопустимости ухудшения положения должника в случае правопреемства (как универсального, так и сингулярного) исходит и австрийская судебная практика. По этой причине в Австрии арбитражные соглашения переходят на правопреемников, общих и единоличных, а также на цессионария. В отношении договоров в пользу третьего лица по такой же причине арбитражное соглашение распространяется на указанное третье лицо [11, с. 12].

Во всех вышеперечисленных юрисдикциях положительно также решается вопрос и об обязательности арбитражного соглашения при универсальном правопреемстве.

В целом, исходя из высказанных мнений, можно выделить две основные точки зрения на правопреемство в арбитражном соглашении. Сторонники первой разделяют мнение о том, что возможность принудительной защиты является неотъемлемым элементом субъективного права, и, становясь управомоченным субъектом, цессионарий тем самым, по общему правилу, должен считаться принявшим на себя обязанность соблюдать условия принудительной

реализации права. Вторая группа авторов полагает, что арбитражное соглашение (условие о договорной подсудности) – особое, заключаемое в соответствии с процессуальными нормами соглашение, которое не имеет материально-правового характера и поэтому предметом цессии быть не может.

В Республике Беларусь нам не удалось найти специалистов, которые проводили детальный анализ указанного вопроса, за исключением А.В.Тарасова [12], который придерживается позиции о необходимости сохранения силы арбитражного соглашения при заключении договора уступки права требования.

А.Ф.Волков еще в 1913 году указывал, что подсудность третейскому суду распространяется обычно не только на договаривающиеся стороны, но и на их общих правопреемников, равно как и на приобретателя требования и на взявшую на себя долг одну из сторон. Если cedent и должник заключили арбитражное соглашение, то это соглашение, конечно, обязательно и для цессионария, так как он вступает во все права cedenta и может реализовывать свои притязания к должнику, основанные на цессии, точно так же и в таком же объеме, как и cedent. Противоположное мнение, указывает А.Ф.Волков, являлось бы вопиющей несправедливостью, так как тем самым сторона получала бы право уничтожить третейский договор, то есть имела бы возможность произвольно лишать арбитражное соглашение присущего ему значения, перенося попросту права из еще не исполненного договора на кого-либо другого, для чего не требуется согласия должника. Сторона была бы, таким образом, вправе уклониться от третейского суда при возникновении спора [13, с. 156–157].

С.Н.Лебедев разделяет точку зрения А.Ф.Волкова и указывает на то, что «отрицание цессии арбитражного соглашения при уступке права требования по основному обязательству позволяет кредитору произвольно отступать от арбитражного соглашения с должником путем уступки своего имущественного требования третьему лицу, которое бы тем самым получало возможность предъявления иска в государственных судах, на предупреждение чего и направлено арбитражное соглашение. Перемена лиц на стороне кредитора не новирует само обязательство: по своему содержанию и после уступки требование остается требованием, вытекающим из договора и реализуемым в том же порядке, который был согласован (хотя и посредством самостоятельного соглашения) между первоначальными сторонами и который не может быть изменен одной из них без согласия другой» [9, с. 78].

По мнению Л.А.Новоселовой, возможность принудительной защиты является неотъемлемым элементом субъективного права, и, становясь управомоченным субъектом, цессионарий должен считаться принявшим на себя обязанность соблюдать условия принудительной реализации права. В связи с этим указание на процессуальный характер правомочий

неосновательно. В противном случае, указывает автор, следовало бы считать, что право на обращение в суд за защитой нарушенного права также необходимо передавать новому кредитору особым соглашением. В связи с этим Л.А.Новоселова делает вывод о том, что более обоснованным является мнение о подчинении нового кредитора условиям реализации прав требования и распространении на него оговорки о третейском суде и подсудности [14, с. 141].

В.А.Мусин указывает еще на один аргумент в пользу сохранения действия арбитражного соглашения при уступке прав, так как сохранение действия арбитражного соглашения следует из смешанной природы такого соглашения, являющегося актом как материального, так и процессуального права. По его мнению, в случае сингулярного правопреемства вывод о сохранении силы арбитражного соглашения должен делаться как раз из процессуальных черт характера арбитражного соглашения, так как процессуальное правопреемство осуществляется независимо от согласия оппонента в возможном споре [4, с. 37–38].

Б.Р.Карабельников указывает, что если договор допускает цессию как таковую, то в объем передаваемых прав входит и право на арбитражное рассмотрение спора [15, с. 9].

В.А.Канашевский в своей работе «Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизийное регулирование» высказывает мнение о том, что решения из практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, а также мнение Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отношении перехода права на рассмотрение спора в арбитраже в порядке цессии не являются обоснованными в силу противоречия принципу независимости арбитражной оговорки от основного контракта. Не соглашаясь с данной точкой зрения, разделяем мнение В.Н.Анурова о том, что «в любом случае должен действовать принцип запрета переуступки права одной стороны по арбитражному соглашению третьему лицу без согласия другой стороны» [16, с. 135].

В.А.Белов отмечает, что арбитражная оговорка «не является ни условием существования, ни условием осуществления права. Арбитражная оговорка составляет условие защиты нарушенного права; подчеркиваем, не права (в его нормальном состоянии, регулятивного права), о коем и говорит ст. 384 ГК РФ, а нарушенного права, права на такой стадии его существования, когда помимо него возникает отношение из нарушения данного права (охранительного права). Имея же в виду, что цедент (уступивший право) не отвечает за эксцессы при осуществлении права (ст. 390 ГК РФ), было бы по меньшей мере несправедливым возлагать на цессионария бремя соблюдения тех условий, о защите которых договорился цедент». В связи с этим В.А.Белов указывает,

что должно применяться следующее правило: арбитражная оговорка должна считаться цедированной только в том случае, когда об этом прямо сказано в договоре [17, с. 250–251].

Как указывает Р.Бевзенко, возражения против обязательности третейской оговорки для цессионария можно свести к двум группам: возражения материально-правового характера и возражения процессуального характера. Возражение материально-правового характера заключается в следующем. Право на разрешение спора арбитражным судом не является элементом гражданского правоотношения (в данном случае – обязательства). Последнее включает в себя право лица требовать определенного поведения от обязанного лица и корреспондирующую обязанность должника совершить некие действия или воздержаться от них. Право на разбирательство спора определенным судом (иначе – право на иск) не входит в структуру субъективного гражданского права, а представляет собой самостоятельное право, тяготеющее к сфере публичного права. Процессуальные права предметом уступки быть не могут. В основе процессуального возражения лежит принцип добровольности сторон при заключении арбитражного соглашения. Дело подведомственно арбитражному суду только в случае явно выраженного согласия участников арбитражного разбирательства на разрешение спора арбитражным судом. Как указывает Р.Бевзенко, совершенной натяжкой выглядит предположение о том, что, вступив в отношения с цедентом по поводу приобретения права из договора, содержащего арбитражное соглашение, цессионарий тем самым выражает свое согласие с ним. Поэтому распространение арбитражного соглашения на цессионария противоречит основополагающему принципу третейского разбирательства – добровольности подчинения сторон спора арбитражной юрисдикции [18, с. 45–46].

Еще одним аргументом против цессии арбитражного соглашения может быть отсутствие соответствующего письменного соглашения между должником и цессионарием. Как пишет Б.Р.Карабельников, на первый взгляд, при замене одной из сторон сделки арбитражное соглашение, заключенное между первоначальными сторонами, будет утрачено в связи с тем, что п. 2 ст. II Нью-Йоркской конвенции указывает, что термин «письменное соглашение» включает арбитражную оговорку в договоре или арбитражное соглашение, подписанное сторонами или содержащееся в обмене письмами или телеграммами. Может показаться, что при отсутствии документа, подписанного цессионарием с другой стороной по сделке, критерий наличия письменного соглашения является несоблюденным, так как «письменное соглашение» между цессионарием и должником не зафиксировано. Тем не менее практика в основном пошла по пути признания соблюдения требований к форме фиксации арбитражного соглашения и в случае за-

мены первоначальной стороны по сделке. В противном случае недобросовестный должник будет в состоянии уклониться от подписания арбитражного соглашения с цессионарием и в итоге сумеет воспрепятствовать уступке требования [15, с. 9].

Противники сохранения действительности арбитражного соглашения при сингулярном правопреемстве ссылаются также на нарушение принципа автономности арбитражного соглашения.

Полагаем необходимым согласиться с Б.Р.Карабельниковым, что в данном случае происходит излишне буквальное толкование принципа автономности арбитражного соглашения, дополнительно осложненное соображениями о процессуальном характере арбитражного соглашения. Принцип автономности арбитражного соглашения как документа, подписанного сторонами спора, охватывает только проблему сохранения его действительности при оспаривании действительности всего договора; что же касается формы арбитражного соглашения, равно как и возможности его уступки, то эти вопросы должны изучаться независимо от принципа автономности арбитражного соглашения [15, с. 9].

В целом, проанализировав существующие точки зрения относительно сохранения силы арбитражного соглашения при уступке права требования по обязательству, считаем, что такое арбитражное соглашение должно сохранять силу и для новых сторон обязательства, так как существенных аргументов против такого перехода нами не обнаружено. В соответствии со ст. 362 ГК перевод должником своего долга на другое лицо допускается лишь с согласия кредитора. Таким образом, в заключении договора перевода долга участвуют три стороны, которые выражают свое волеизъявление на изменение должника в обязательстве. В таком случае, на наш взгляд, при отсутствии прямо выраженного согласия сторон об ином, арбитражное соглашение должно распространять свое действие на кредитора и нового должника. При несогласии нового должника с принимаемым на себя обязательством он всегда вправе отказаться от дачи согласия на перевод долга. Помимо этого, кредитор, давая согласие на перевод долга, при нежелании подчиняться арбитражному соглашению в отношениях с новым должником, может дать согласие на уступку под условием прекращения действия арбитражного соглашения, в противном случае согласие будет презюмироваться.

1. Данилевич, А.С. Международный коммерческий арбитраж / А.С.Данилевич // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Каменков, В.С. Третейское соглашение: понятие, виды, толкование и содержание [Электронный ресурс] / В.С.Каменков // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

3. Костин, А.А. Перемена лиц в арбитражном соглашении / А.А.Костин // Третейский суд. – 2005. – №1. – С. 46–49.

4. Мусин, В.А. Арбитражная оговорка во внешнеторговом контракте и проблема правопреемства / В.А.Мусин // Третейский суд. – 2000. – №4. – С. 29–40.

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.1997 №1553/97 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

6. Обзор судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации, 16 февр. 1998 г., №29 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

7. Письмо Арбитражной Ассоциации Российской Федерации от 15.12.2017 [Электронный ресурс] // Арбитражная Ассоциация Российской Федерации. – 2017. – Режим доступа: <http://arbitrations.ru/upload/medialibrary/bc0/Amicus-6.pdf>. – Дата доступа: 08.04.2019.

8. Fouchard Gaillard Goldman on International Commercial Arbitration / Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. – Gaillard and Savage. – 1999. – 1280 p.

9. Лебедев, С.Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон / С.Н.Лебедев: Торгово-промышленная палата СССР. – М., 1988. – 124 с.

10. Зыков, Р.О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика [Электронный ресурс] / Р.О.Зыков // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

11. Хегер, С. Комментарий к новому австрийскому арбитражному законодательству / С.Хегер. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 200 с.

12. Корочкин, А.Ю. Оговорка о договорной подсудности и арбитражная оговорка при уступке требования / А.Ю.Корочкин, А.В.Тарасов // Оговорка о договорной подсудности и арбитражная оговорка при уступке требования // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

13. Волков, А.Ф. Торговые и третейские суды. Историко-догматическое исследование / А.Ф.Волков. – СПб., 1913. – С. 292.

14. Новоселова, Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг / Л.А.Новоселова. – М.: Статут, 2003. – 492 с.

15. Карабельников, Б. Арбитражное соглашение: полномочия на подписание и переход в порядке цессии / Б.Карабельников // ЭЖ Юрист. – 2001. – №12 – С. 9.

16. Канашевский, В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование / В.А.Канашевский. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 591 с.

17. Белов, В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве / В.А.Белов. – М.: Учеб.- консультац. центр «ЮрИнфоР», 2000. – 286 с.

18. Бевзенко, Р. Сохраняется ли третейская оговорка при уступке требования? / Р.Бевзенко // Корпоративный юрист. – 2007. – №11. – С. 45–48.

Материал поступил в редакцию 11.06.2019

K.I.ZHUKOVSKAYA

Revisiting legal succession in an arbitration agreement

The article analyzes the issue of possibility of a legal succession in an arbitration agreement when changing the parties to an obligation. The analysis of approaches developed in national and foreign legislation, as well as in litigation practice is being carried out. Based on the analysis of the legislation, the author makes certain suggestions on the improvement of current legislation, supported, inter alia, by the scientific inquiries.

Keywords: arbitration, arbitration agreement, legal succession of the arbitration agreement.

Рецензент: Е.А.МИХАСЕВА, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета